

Похороны Л. Н. Толстого.

В ожидании траурного поезда.

Корреспондентъ „Р. С.“ телеграфируетъ: „ЗАСБКА“, 9 XI. Около 3-хъ часовъ ночи прѣхалъ изъ „Щекина“ въ „Засѣку“ Дорогой необыкновенное явление: всѣ деревня, мимо или черезъ которыя приходилось ѣхать, торжественно. Крестьяне не спятъ, ждутъ момента, когда надо будетъ идти на станцію встрѣчать прахъ Льва Николаевича. Ближе къ „Засѣкѣ“ встрѣчаются идущіе къ Ясной Полянѣ толпы и группы студентовъ, курсистокъ, вообще молодежи. Много ихъ. Черною лентой пелуютъ они по лѣвой дорожкѣ. „Куда идете?“—спрашиваю одну группу.—„Въ Ясную Поляну“.—„Тамъ, вѣдь, почва въ „егѣ““.—„Ничего, побордимъ до утра“—отвѣчаютъ бодро. Еще ближе станція и на станціи уже сплошная толпа. Молодежь пьетъ чай, обѣдуютъ Л. Толстого. Спать никто не ложится. Подходятъ новые поезда.

Похороны.

Корреспондентъ „Рѣчи“ телеграфируетъ: ЗАСБКА, 9 ноября, 2 ч. 25 мин. дня. Туманное, сѣрое, но теплое утро. Въ 6 час. поездъ тронулся изъ Горбачева и въ 8 час. тихо подошелъ къ платформѣ „Засѣка“. Все поле кругомъ залито народомъ. Черной полосой далеко вытянулся онъ по дорожкѣ. Можно было ожидать еще больше—десять тысячъ, сотенъ тысячъ, но были поставлены неодолимые препятствія. Множество осталось въ Москвѣ, ибо неожиданно отказали въ спеціальныхъ поездахъ. Совѣтъ не попали на похороны петербургцы. Рассказываютъ, что въ московскихъ вагонахъ было втрое больше пассажировъ, чѣмъ полагаются. Спали въ коридорахъ на полу. Въ одномъ вагонѣ, при свѣтѣ свѣчи, читали вслухъ „Дѣтство и отрочество“.

Въ началѣ 9-го открыли траурный вагонъ. Подошли новыя группы крестьянъ изъ Ясной Поляны и соседнихъ деревень.

Въ половинѣ 9-го гробъ былъ выдвинутъ изъ вагона, и процессія тронулась.

Впереди на 5 протѣжъ крестьянскихъ тележекъ везли вѣнки. Затѣмъ шла промадная толпа. Два крестьянина несутъ на двухъ березкахъ широкую полотнянную полосу съ надписью: „Левъ Николаевичъ! Память твоя не умретъ среди насъ, среди осиротѣвшихъ крестьянъ!“ Громатный студенческий хоръ всю дорогу поетъ „Вѣчная память“. Два крестьянскихъ вѣнка несутъ старые яснополянцы къ задумчивымъ серьезными лицами. Далѣе pokračивается на рукахъ крестьянъ закрытый гробъ. За гробомъ трафигия, дѣти и друзья Толстого, а потомъ депутация. Среди нихъ депутация московская изъ двухъ членовъ управы. Изъ Тулы прѣбыли городской голова.

Процессія замыкается сильными отрядами конныхъ стражниковъ. Весь путь крестьяне посылали ельникомъ. Работали они надъ этимъ всю ночь.

Несмотря на плохую извитую дорогу, мы очень быстро поднимаемся впередъ. Въ половине 10-го мы дошли уже до мѣста, гдѣ еще 3 лѣтъ тому назадъ на границѣ тульской и крапивинскаго уѣздовъ стоялъ извѣстный всѣмъ столбъ, исписанный надписями, направлявшимися въ Ясную Поляну.

Вотъ уже виденъ яблонный садъ, посаженный Толстымъ.

Въ половинѣ 11-го процессія вошла въ усадьбу. Еще черезъ 10 минутъ гробъ скрылся за низкой дверью яснополянскаго дома. Толпа стала напирать, и дверь закрылась на одинъ часъ, чтобы установитъ гробъ въ библиотекѣ и дать семьѣ возможность проститься отдѣльно. Оставшіеся за дверью выстраиваются туескомъ на очень далекомъ разстояніи и ожидаютъ очереди, чтобы поклониться дорогому праху.

Я иду пока къ могилѣ за паркомъ. По пути друзья Толстого, прошедшіе въ Ясную Поляну вчерашній день, рассказали мнѣ подробно о томъ, какъ мѣстные крестьяне встрѣтили вѣсь о кончѣи Толстого. Узнавъ вечеромъ о смерти Льва Николаевича, они собрались къ яснополянскому дому; многие плакали. Затѣмъ крестьяне стали просить, чтобы имъ предоставлено было сдѣлать все, что нужно; вырыть могилу и нести гробъ. Всю ночь въ деревнѣ не гасили огней,—велись разговоры о Толстомъ...

Мы подошли къ могилѣ, вырытой на холми-

кѣ, обсаженномъ липами, въ доверствѣ отъ дома. Тутъ и была зарыта Толстымъ въ дѣтствѣ зеленая палочка, на которой онъ и братъ Николай написали свои обѣты, какъ они будутъ жить.

Ишу эти строки въ часъ дня въ толстовской читальнѣ, построенной обществомъ трамвайности. Вереница ожидающихъ еще страшнѣе велика, и трудно сказать, когда прочтенье кончится и когда будетъ потребень.

Передая нѣсколько рассказовъ, слышанныхъ мною здѣсь, въ Ясной Полянѣ.

Рассказываютъ, что послѣ ухода Толстого трафигия нашла его портфель, гдѣ оказались рукописи двухъ повѣстей, о существованіи которыхъ раньше не знали. Рассказывали мнѣ также, что Толстой не оставилъ завѣщанія относительно литературнаго наслѣдства; за вѣрность этого слуха я не ручаюсь.

ТУЛА, 9 ноября, 5 час. 5 мин.

Процессія въ прахѣмъ дѣлалась до начала третьяго. Гробъ поставленъ въ рабочемъ кабинетѣ Толстого, гдѣ онъ написалъ „Войну и миръ“ и „Анну Каренину“. Изъ комнаты все вынесено, кромѣ бюста брата Л. Н. Николая.

Прикладывались ко лбу, къ рукамъ. Прошли многія тысячи.

20 минутъ второго гробъ подыали сыновья Л. Н.

На площадкѣ передъ домомъ толпа обнажила головы.

Затѣмъ „Вѣчную память“.

Когда гробъ показался на дворѣ, всѣ опустились на колѣни. Потомъ двинулись съ гробомъ къ послѣднему приюту.

Могилу вырыта въ роствѣ. Съ одной стороны проходитъ дорога, съ другой—спускъ, обрывъ. Кругомъ холмики нѣтъ нѣтъ.

Въ два часа пятьдесятъ минутъ, гробъ былъ около могилы, еще три минуты—и его опустили въ могилу.

Когда опускали гробъ подъ звуки „Вѣчной памяти“, отдававшейся гулко въ оглоуномъ лѣсу, всѣ, какъ одинъ человекъ, опустились на колѣни.

Было глубоко торжественно и просто.

Потомъ, когда заступали первые козья земли, опять всѣ опустились на колѣни. Одинъ хоръ кончалъ пѣть „Вѣчную память“, другой начиналъ.

Общее желаніе, чтобы не было рѣчей, возторжествовало. Но было нѣсколько протестантовъ, и кто-то сказалъ немного слово о томъ, что умеръ великій Левъ, но живы идеалы его, идеалы всемирнаго христіанства.

9 ноября, 11 ч. 15 мин. вечера.

Велѣдѣіею отказа администраціи дать экстренный поездъ, петербургскіе депутаты ѣхали на автомобиляхъ и прѣбыли около 6 часовъ вечера.

Милыковъ, Родичевъ, Покровский 1-й и 2-й, Рожковъ, Захаровъ, Васильевъ, Винаверъ, Михаилъ Стаховичъ, Хирьяковъ съ факеломъ отправились на свѣжю могилу, поклонились ей, затѣмъ поспѣли яснополянскій домъ.

Въ пути еще находятся запоздавшія группы петербургскихъ студентовъ и студентокъ. Общее число перебывавшихъ на могилѣ, по впечатлѣнію очевидцевъ, до восьми тысячъ.

Красное мѣсто могилы находится на склонѣ отвратна: простой холмъ вѣковъ подъ вѣковыми дубами и липами.

Притокъ посѣтителей продолжается.

9 ноября, 11 ч. 40 м. вечера.

Нѣсколько словъ на могилѣ сказалъ режиссеръ московскаго Художественнаго театра Сулержицкій, рассказавшій, почему именно здѣсь схоронили Толстого.

Часамъ къ четверемъ все было кончено. Тихо расходится.

Какия это были необычныя похороны, величавыя по своей простотѣ,—деревенскія. Но хоронили мирового гения. Только Москва да Тула послали къ похоронамъ, остальные Россія успѣла прислать очень немногихъ.

На обратномъ пути я встрѣтилъ застрявшія на станціяхъ депутации и вѣнки.

Только въ 7 час. вечера прѣхали черезъ Серпуховъ петербуржцы. Въ Ясную Поляну они поадутъ часамъ къ десяти.

По еще долгъ всей Россіи приходить въ „Графскій заказникъ“, какъ зовется мѣсто, гдѣ могила,—поклониться тремъ аршинамъ земли.

Послѣ похоронъ.

Уже по окончаніи похоронъ, въ 6 часовъ, въ Ясную Поляну прѣбылъ автомобиль съ П. Н. Милыковымъ, Ф. И. Родичевымъ, Покровскимъ и Рохмановымъ. Прѣхавшіе поклонились на могилѣ Л. Н. Толстого, поклонились ей. Затѣмъ были приглашены Толстымъ къ обѣду. Вышла на нѣсколько минутъ къ нимъ гр. Софья Андреевна.

Кромѣ того, вечеромъ прѣхали М. М. Винаверъ и С. Я. Елпатьевскій, какъ депутаты „Русскаго Богатства“.

Около 10 часовъ вечера прѣехала большая группа петербургскихъ студентовъ. Они отправились на могилу, гдѣ прѣбыли „Вѣчную память“ и возложили живые цвѣты.

Сегодня прѣхали многія делегации и отдѣльныя депутации.

Студенческая делегация въ Ясной Полянѣ. ЗАСБКА, 10 ноября.

Студенческая делегация Петербурга и кievскаго политехникума, оповѣдшія на погребеніе, отслужили девятаго ноября вечеромъ вмѣстѣ съ другими студенческими делегациями, гражданскую панихиду на могилѣ великаго старца. Десятаго съ близкими и друзьями Льва Николаевича всѣ поклонились могилѣ. Посѣтили Черквца, Александръ Львовичъ, выразили глубокое сочувствіе ихъ безпредѣльному горю, раздѣляемому всѣмъ студенчествомъ.

Присутствовали: петербургскія делегации технологическаго и горнаго институтовъ, бестужевскихъ курсовъ, политехникума, военно-медицинской академіи, институтовъ путейскаго и гражданскаго инженерства, женскаго медицинскаго института, равскихъ курсовъ, педагогическаго и психоневрологическаго институтовъ, Стебутовскихъ, бывшихъ Лестафта и Лохницкой-Скалонъ курсовъ. Землячества кавказскихъ горцевъ, кievск. земляч. Петербурга, украинскаго студенчества. Киевскія делегации университета, политехникума, коммерческаго института, высшихъ женскихъ медицинскаго и фребелевскихъ курсовъ.

Въ Петербургѣ.

Панихиды.

По инициативѣ армянскаго колоніи столицы, 9 ноября была отслужена въ армянской церкви, что на Невскомъ пр., панихида по Л. Н. Толстомъ. Въ церкви присутствовали видные представители колоніи и много учащейся молодежи.

Послѣ этой панихиды къ настоятелю ар-

мянской церкви явилась депутация отъ студентовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній съ просьбой отслужить панихиду по великомъ писателю; о. настоятель согласился, и въ 1 часъ дня армянская церковь была открыта для желающихъ присутствовать на второй панихидѣ. Церковь была переполнена учащейся молодежью разныхъ учебныхъ заведеній.

На улицахъ.

По окончаніи второй панихиды въ армянской церкви, студенты вышли и, обнаживъ головы, на площади передъ церковнымъ зданіемъ прѣбыли три раза „Вѣчную память“. Полицейскій пристава предлагалъ толпѣ прекратить пѣніе и разойтись. Студенты, однако, продолжали пѣть, направляясь на встрѣчу своимъ товарищамъ, которые шли изъ университета къ Казанской на.

Противъ Гостиннаго двора, толпа, шедшая изъ церкви, была встрѣчена конными и пѣшими городовыми, загородившими ей путь. Полиція раздѣлила толпу на двѣ части. Одна часть была отбѣнена по направленію къ Анничкову мосту, а другая къ Михайловской ул.

Здѣсь полиція была усилена вышедшими изъ двора зданія городской думы нарядами конныхъ городскихъ и жандармовъ. Движеніе трамвая и экипажей было приостановлено. На Невскомъ пр. собралось около 1 тис. учащихся обою пола разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Отрядъ жандармовъ, съ обнаженными шапками, занявъ позицію на уг. Невскаго пр. и Михайловской ул., никого не пропускалъ къ Казанскому собору.

Отрядъ конныхъ городскихъ, вышедшихъ изъ воротъ Гостиннаго двора, наступая на толпу, собравшуюся около Садовой ул., отбѣнилъ ее къ Литейному пр. Полиціей и жандармами были отбѣнены также стоявшіе на панихидѣ.

Спустя минутъ 10—15 движеніе по Невскому пр. было возобновлено.

Отряды полиціи и жандармовъ еще долго послѣ этого разбѣжали по Невскому пр. Собиравшіяся мѣстами отдѣльныя группы пѣли „Вѣчную память“. Группы эти разогнались.

Ворота дома армянской церкви послѣ того, какъ прилегающая мѣстность была очищена отъ учащейся молодежи, были закрыты. Снаружи входъ охранялся полицейскими офицерами и городовыми.

Послѣ того, какъ студенты на Невскомъ пр. были разсыяны, они стали направляться къ университетской студенческой столовой имени проф. О. Ѳ. Миллера (на Бирзевой лин., рядомъ съ университетомъ). Вскорѣ столовая отказалась почти совершенно переполненной, и въ ней началась сходка. Въ связи съ этимъ сдѣлано было распоряженіе закрыть столовую и прекратить доступъ въ нее. Благодаря этому у воротъ столовой образовалась толпа.

Появились отряды конной полиціи и начали отбѣнять толпу. Находящіеся въ столовой вышли и соединились съ бывшими на улицѣ товарищами. Возобновилось пѣніе на улицѣ „Вѣчной памяти“. Полиція стала наступать. Одинъ изъ студентовъ, вступившій въ пререканія съ полицейскимъ офицеромъ, былъ арестованъ. Остальные стали настаивать на освобожденіи арестованнаго. Командовавшій нарядомъ полиціи заявилъ, что арестованный будетъ освобожденъ, если собравшіеся откажутся прекратить пѣніе и разойдутся. Общаніе было дано, и арестованный былъ освобожденъ.

Послѣ этого толпа спокойно разошлась.

Группы студентовъ, отбѣненные послѣ сходки въ столовой отъ университета, разсы-

лись по разнымъ сторонамъ. Часть студентовъ направилась на Невскій пр., часть по разнымъ линіямъ В. О. Слѣдующія группы, прѣбывая „Вѣчную память“, можно было, между прочимъ, видѣть на 10 л. на углу Средняго пр. и 1 линіи и въ другихъ мѣстахъ. Одна изъ такихъ группъ была разсыяна недалеко отъ горнаго института.

Въ теченіе всего дня на Невскомъ пр. наблюдалось необычное скопленіе народа. Преобладали учащаяся молодежь. Изрядка раздалось пѣніе „Вѣчной памяти“.

По улицѣ разбѣжали небольшіе отряды конной полиціи и жандармовъ. Попытки молодежи двигаться по улицѣ сплоченными группами въ большинствѣ случаевъ кончались неудачно.

На Дворцовой набережной, около Дворцоваго моста толпа студентовъ 150—200 человекъ около 5 час. веч. остановилась и стала пѣть „Вѣчную память“. Одинъ изъ студентовъ пытался произнести рѣчь, но былъ остановленъ подошедшими жандармами. Собравшіеся послѣ этого были разсыяны.

На углу Садовой ул. и Невскаго около 5½ час. вечера образовалась многочисленная толпа учащейся молодежи обою пола. Съ пѣніемъ „Вѣчной памяти“ толпа направилась къ Анничкову мосту, но около дома Елисеѣва была разсыяна.

Въ началѣ седьмого часа вечера на Анничковомъ мосту вновь организовалась толпа человекъ въ 100. Обнаживъ головы они начали пѣть „Вѣчную память“ и направилась къ Казанской площади. На углу Батеринской ул. и Невскаго пр. пѣніе встрѣтилось съ только что разошедшимися полиціей студентами. Обѣ группы соединились съ цѣлью совмѣстно продолжать пѣть. Но они были конными жандармами отбѣнены на панели и такимъ образомъ дошли до Михайловской ул., гдѣ были разсыяны.

Въ 6 ч. веч. толпа въ 100 человекъ, съ пѣніемъ „Вѣчной памяти“, направилась отъ угла Невскаго пр. и Николаевской ул. къ Литейному просп. За толпой шла полиція. У Литейнаго пр. конные жандармы сдѣлали попытку разогнать толпу. Черезъ нѣсколько минутъ толпа вновь собралась и направилась по Невскому пр. какъ говорить, съ цѣлью пойти къ Александрово-Невской лаврѣ. Впереди появились два студента, которые несли портреты Толстого. Движеніе трамвая было временно приостановлено. Прохожіе, слушая пѣніе „Вѣчной памяти“, обнажали головы.

Недалеко отъ д. № 68 по Невскому пр. отрядъ городскихъ съ ружьями окружилъ участниковъ шествія.

Часть была отведена во дворъ д. № 89. Здѣсь всѣ были переписаны, при чемъ, пять—шесть человекъ были препровождены въ Александрово-Невскую и Литейную части для удовлетворенія личности.

По окончаніи сходки, 10-го ноября около 2 час. дня, студенты, выйдя изъ университета, сплотились и съ пѣніемъ „Вѣчной памяти“ направилась по набережной. Отрядъ городскихъ прервалъ путь къ Дворцовому мосту, толпа повернула по направленію къ Николаевскому мосту, время-отъ-времени возобновляла пѣніе „Вѣчной памяти“. Конная полиція нѣсколько разъ отбѣняла студентовъ съ мостовой на тротуары.

Изъ университета вышли ректоръ проф. Д. Д. Гриммъ, проректоръ П. Д. Андреевъ и проф. М. Я. Пергаментъ, І. А. Покровский и А. А. Жижинко и убѣждали студентовъ расходиться.

Около 5-ой линіи отряды конной полиціи,

выстроившись въ рядъ, совершенно преградили путь по направленію къ Николаевскому мосту. Въ это время отряды полицейскихъ стали отбѣнять студентовъ съ набережной на линіи Вас. острова. Большая часть толпы была отбѣнена на 4-ую линію, гдѣ конные городовые нѣсколько разъ принуждали собравшихся разсыяться.

Лишь къ 4 час. дня мѣстность была совершенно очищена отъ собиравшихся группами студентовъ.

Около университета и послѣ этого были оставлены патрули конныхъ и пѣшихъ городскихъ съ ружьями, для наблюденія за порядкомъ.

Въ Москвѣ.

Шествіе къ дому Л. Н. Толстого.

Предположенное 9 ноября торжественное шествіе всего студенчества къ дому Толстыхъ въ Хамовники, постановленію о которомъ были сдѣланы на всѣхъ почти студенческихъ сходахъ, посвященныхъ памяти Л. Н.,—не удалось.

Власти были приняты мѣры. Наряды полиціи у университета были усилены. Хамовнической переулочекъ былъ оцепленъ отрядами конныхъ жандармовъ и городовыхъ съ обѣихъ сторонъ—со стороны Хамовническаго плаца и Боженинскаго переулочка. Къ дому Толстого никого абсолютно не пропускали. Группы учащейся молодежи-студентовъ, курсистокъ, интеллигенціи и рабочихъ, являвшіяся въ Хамовники, разсыивались.

Университетъ былъ на запорѣ. У всѣхъ входовъ и выходовъ стояли сторожа, дежурили представители полиціи.

Съ одинадцати часовъ утра стали стекаться студенты. Небольшими группами приходили курсистки. Прибывали студенты-петровцы. Постоянно разогнаема полиціей молодежь все же старалась держаться поближе къ университету, задерживалась у афишныхъ кіосковъ, на остановахъ трамвая.

Улучивъ удобную минуту, она прорывается черезъ одну изъ незапертыхъ калитокъ, отбрасываетъ сторожей, во дворъ стараго университета.

Группа довольно большаа—человекъ 100. Раздается „Вѣчная память“. Представитель университетской администраціи, напоминаая студентамъ постановленіе ректора и градоначальства о нежелательности демонстрацій и могущихъ возникнуть послѣдствіяхъ, проситъ разойтись. Къ нему присоединяется полиційскій офицеръ.

Толпа покидаетъ дворъ университета и съ пѣніемъ „Вѣчной памяти“ движется по тротуарамъ по Мховой. Пѣніе скоро обрывается. Идутъ молча. На углу Знаменки у Румянцевскаго музея молодежь задерживаютъ и отправляютъ въ первую тверскую часть. Велѣдъ за первой группой задерживаютъ вторую небольшую. Часть успѣваетъ укрыться въ Румянцевскомъ музѣ.

Въ участкѣ студентовъ держатъ немного. Выявляютъ личность и отпускаютъ.

Студенчество, разбившись на мелкія группы, разсыивается по городу. У университета наряды полиціи усилены. Разгоняютъ быстро, не давая собраться даже самымъ маленькимъ кучкамъ. Многие ѣдутъ въ Хамовники. Небольшая группа направляется на Тверской бульваръ и тамъ, въ Гоголевской городской библиотекѣ, служитъ гражданскую панихиду. Звучитъ „Вѣчная память“.

То же самое повторяется и въ студенческой столовой на Бронной.

Утромъ 10 ноября въ университетъ явилась группа студентовъ, чтобы освѣтить вопросъ о поведеніи администраціи, вчера прекратившей доступъ въ Хамовнической переулокъ. Тутъ же студентамъ стало извѣстно, что, несмотря на единогласное постановленіе обща студентскаго схода въ понедѣльникъ прекратить занятія въ знакъ траура по поводу смерти Толстого на 3 дня, профессоръ историко-филологическаго факультета Вишперъ сегодня читаетъ лекцію и что его слушаютъ 6 академиковъ. Студенты рѣшили отправиться въ аудиторию Вишпера, прекратить лекцію и устроить манифестацію. Проф. Вишперъ, по просьбѣ студентовъ, лекцію прекратилъ, академики безпрекословно оставили аудиторию, а студенты выстроились во дворѣ новаго здания университета, обнажили головы и съ пѣніемъ „Вѣчной памяти“ двинулись со двора на Никитскую улицу. Процессія медленно шествовала по Никитской, стройно расдѣлая „Вѣчную память“. Звукъ скорбнаго пѣнія разносился далеко по окрестностямъ, привлекая все больше и больше публики. Когда студенты очутились у угла Б. Кисловскаго переулка, студентамъ наперерывъ выѣхалъ нарядъ конной полиціи и расдѣлялъ ихъ. Двое были арестованы. Говорятъ, они потомъ были освобождены. Послѣ этого ворота и въѣзды въ университетъ были закрыты.

Усиленный нарядъ полиціи весь день сторожилъ по Моховой и другимъ прилегающимъ къ университету улицамъ. Домъ гр. Толстого въ Хамовникахъ 10 ноября охранялся усиленнымъ нарядомъ полиціи. Не только домъ, но и переулокъ былъ оцепленъ со всѣхъ сторонъ. Пробраться туда могли только мѣстные жители, и то съ большими хлопотами.

Шествіе по Арбату.

Съ ранняго утра группы учащейся молодежи стали стекаться къ Хамовникамъ. Но здѣсь ихъ ожидало разочарованіе. Все было оцеплено. Стояли усиленные полицейскіе наряды, быстро вслѣхъ разогнавшіе.

Особенно много молодежи стало прибывать къ Хамовническому переулку въ срединѣ дня къ 12 и 1-му часу.

Неудачная попытка пробраться къ дому Толстого ее не смущаетъ. Толпа движется къ клинникамъ. Группа студентовъ около ста человекъ расположилась у психиатрической клиники. Отсюда, разогнанные полиціей, студенты двинулись къ патологической клиникѣ, въ аудиторию которой устроили маленькое шествіе. Память Л. Н. почтими вставаніемъ.

Изъ клиники толпа двинулась по Девичьему полю по направленію къ Пречистенкѣ. Здѣсь шествіе не остановленна, она свернула на Смоленскій бульваръ, а отсюда, переѣхавъ Смоленскій рынокъ, вступила на Арбатъ, двигаясь все время молча, по тротуарамъ. Пройдя одинъ кварталъ толпа свернула на средину улицы... Кто-то затянулъ „вѣчную память“. Десятки голосовъ подняли, и шествіе открылось. Гдѣ-то въ лавочкѣ достали небольшой портретъ Толстого, прикрѣпили къ палкѣ и поехали впередъ.

Толпа двинулась по направленію къ Арбатскимъ воротамъ. Прохожие снимали шапки, многие примыкали къ шествію. Кое-гдѣ застрѣвлялъ трамвай. До самахъ Арбатскихъ воротъ и, затѣмъ, до конца Никитскаго бульвара, куда свернуло шествіе, его никто не задерживалъ.

И только у Никитскихъ воротъ примчался нарядъ конныхъ жандармовъ и разогналъ толпу. Многихъ задержали, но, по удовлетворенію личности, переписали и отпустили.

Рукописи Л. Н. Толстого.

Неизданныя рукописи Л. Н. Толстого находятся за границей, въ Парижѣ. Чертковъ отправлялъ ихъ регулярно надежному лицу.

Объ уходѣ Толстого изъ Ясной Поляны.

Въ виду толковъ, что Толстой совершилъ уходъ подъ вліяніемъ давленія Черткова, могу сообщить, что мѣсяцъ назадъ получилось письмо отъ болгарина Досева, почему Толстой живетъ въ барствѣ и не уходитъ изъ окружающаго его тамъ обстановки. Чертковъ отвѣтилъ обстоятельнымъ письмомъ, изъ котораго ясно, что онъ не только не сочувствовалъ такому шагу, но всячески отговаривалъ и оберегалъ отъ него Толстого.

Телеграмма Иллѣдора А. И. Тучкову.

На состоявшемся 10 ноября засѣданіи совѣта всероссійскаго братскаго союза въ Парижѣ иеромонаху Иллѣдору поручено отправить председателю Гос. Думы А. И. Тучкову слѣдующую телеграмму:

„Александръ Ивановичъ. Совѣтъ всероссійскаго братскаго союза русскаго народа ваши слова, сказанныя въ Думѣ по поводу смерти Льва Толстого: „Господь Милосердный да откроетъ передъ нами Царство Небесное“ считаемъ кощунствомъ и богохульствомъ. Вы этимъ только доказали, что вы достойный ученикъ великаго богохульника и духовнаго разбойника. Развѣ вы не знаете, что хула на Духа Святого не отпускается ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій. Зачѣмъ же вы на Бога клеветаете? Стыдно, позорно, мерзко, отвратительно.“

10 ноября телеграмма эта отправлена на имя председателя Гос. Думы въ Петербургъ.

Протоколъ врачей о болѣзни и смерти Л. Н. Толстого.

Считаемъ своимъ долгомъ изложить ходъ болѣзни Л. Н., которую мы, какъ врачи, наблюдали до самой его смерти.

28 октября, какъ извѣстно, Л. Н. оставилъ Ясную Поляну. Рѣшеніе уѣхать—было имъ принято послѣ продолжительной и тяжелой душевной борьбы. Состояніе его здоровья было удовлетворительное, хотя онъ чувствовалъ себя физически нѣсколько слабымъ. Изъ Ясной Поляны Л. Н. направился черезъ Чекино въ Горбачево, откуда до Козельска ѣхалъ въ тѣсномъ, переполненномъ, душномъ вагонѣ 3-го класса, прицѣпленномъ къ товарному поѣзду. Чтобы освѣжиться, онъ часто выходилъ на площадку. Изъ Козельска Л. Н. собирался поѣхать къ своей сестрѣ Марѣ Николаевнѣ въ Шемардинъ монастырь, отстоящій въ 18 верстахъ отъ станицы. Но такъ какъ было поздно и Л. Н. былъ утомленъ дорогой, то онъ рѣшилъ переночевать въ Оптиной пустыни, въ 5-ти верстахъ отъ Козельска. На другой день, отдохнувши, Л. Н. поѣхалъ къ своей сестрѣ въ Шемардинъ, гдѣ почевалъ и провелъ весь день 30 октября. Вечеромъ онъ жаловался на нѣкоторую сла-

бость и недомоганіе, но, тѣмъ не менѣе, 31-го, рано утромъ, несмотря на дурную погоду, въ сопровожденіи своей дочери Александры Львовны и ея подруги—В. М. Феоктистовой, приѣхавшей къ нему накануне и Д. П. Маковицкаго, который его сопровождалъ все время, уѣхалъ на лошадахъ въ Козельскъ (18 верстъ); отсюда по Рязанско-Уральской жел. дор. по направленію на Богоявленскъ, чтобы далѣе слѣдовать въ Ростовъ-на-Дону. До полудня въ вагонѣ Л. Н. чувствовалъ себя довольно хорошо а затѣмъ сталъ жаловаться на ознобъ. Поставленный термометръ показалъ 38,6. Въ виду лихорадочнаго состоянія и слабости Л. Н. рѣшено было оставить поѣздъ и высадиться на ближайшей большой станицѣ. Этой станицей оказалось Астапово, гдѣ начальникъ станицы И. И. Озолина любезно предложилъ помѣщеніе въ своей квартирѣ, въ отдѣльномъ домѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вокзала Л. Н. чувствовалъ себя уже настолько слабымъ, что съ трудомъ дошелъ до квартиры. Здѣсь онъ сдѣлалъ разныя распоряженія и затѣмъ съ нимъ произошелъ непродолжительный (около минуты) припадокъ судороги въ лѣвой рукѣ и лѣвой половинѣ лица, сопровождавшійся обморочнымъ состояніемъ.

Послѣ этого его уложили въ постель и сдѣлали клизму. Къ ночи температура поднялась до 39,8, появилась кашель, насморкъ, боли въ ногахъ, перебои пульса.

Въ ночь съ 31 октября на 1 ноября, Л. Н. спалъ очень плохо. Къ утру температура спала до 36,2. Л. Н. чувствовалъ большую слабость. Весь день лежалъ въ постели, диктовалъ свои мысли, писалъ дневникъ, слушалъ чтеніе. Къ вечеру снова появилась ознобъ, температура поднялась до 39, 1. Л. Н. жаловался на боль въ лѣвомъ боку при дыханіи, кашлялъ и ночью откашливалъ ржавую мокроту (съ примѣсью крови). Пульсъ былъ свыше 100 съ перебойми.

Было предположено воспаленіе легкихъ, положенъ согревающій компрессъ, назначено вино.

Въ ночь на 2 ноября Л. Н. спалъ плохо, стоналъ, страдалъ отъ изжоги, кашлялъ. Утромъ температура была 37,2. Чувствовалъ себя весь день слабымъ. Исслѣдованіемъ установлено воспаленіе нижней доли лѣваго легкаго и предположенъ небольшой воспалительный фокусъ въ правомъ легкомъ. Пульсъ 100, 110, съ перебойми. Вечеромъ температура 39,1, ничего не ѣлъ, выпадалъ въ забытіе. Изъ лекарствъ давали стропантъ и вино.

Ночь на 3 ноября Л. Н. спалъ очень плохо, почти все время бредилъ, кашлялъ, снова откашливалъ ржавую мокроту, стоналъ, страдалъ отъ изжоги. Утромъ температура—36,7. Л. Н. значительно ослабѣлъ. Языкъ былъ сильно обложенъ, сухъ. Аппетита не было. Печень была нѣсколько увеличена, болѣзненна, въ особенности ея лѣвая доля; животъ—нѣсколько вздутъ.

Констатированъ воспалительный фокусъ въ нижней доль лѣваго легкаго подъ лопаткой. Въ правомъ легкомъ—явленіе бронхита—36,7. Л. Н. собирался поѣхать къ своей сестрѣ Марѣ Николаевнѣ въ Шемардинъ монастырь, отстоящій въ 18 верстахъ отъ станицы. Но такъ какъ было поздно и Л. Н. былъ утомленъ дорогой, то онъ рѣшилъ переночевать въ Оптиной пустыни, въ 5-ти верстахъ отъ Козельска. На другой день, отдохнувши, Л. Н. поѣхалъ къ своей сестрѣ въ Шемардинъ, гдѣ почевалъ и провелъ весь день 30 октября. Вечеромъ онъ жаловался на нѣкоторую сла-

бость и недомоганіе, но, тѣмъ не менѣе, 31-го, рано утромъ, несмотря на дурную погоду, въ сопровожденіи своей дочери Александры Львовны и ея подруги—В. М. Феоктистовой, приѣхавшей къ нему накануне и Д. П. Маковицкаго, который его сопровождалъ все время, уѣхалъ на лошадахъ въ Козельскъ (18 верстъ); отсюда по Рязанско-Уральской жел. дор. по направленію на Богоявленскъ, чтобы далѣе слѣдовать въ Ростовъ-на-Дону. До полудня въ вагонѣ Л. Н. чувствовалъ себя довольно хорошо а затѣмъ сталъ жаловаться на ознобъ. Поставленный термометръ показалъ 38,6. Въ виду лихорадочнаго состоянія и слабости Л. Н. рѣшено было оставить поѣздъ и высадиться на ближайшей большой станицѣ. Этой станицей оказалось Астапово, гдѣ начальникъ станицы И. И. Озолина любезно предложилъ помѣщеніе въ своей квартирѣ, въ отдѣльномъ домѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вокзала Л. Н. чувствовалъ себя уже настолько слабымъ, что съ трудомъ дошелъ до квартиры. Здѣсь онъ сдѣлалъ разныя распоряженія и затѣмъ съ нимъ произошелъ непродолжительный (около минуты) припадокъ судороги въ лѣвой рукѣ и лѣвой половинѣ лица, сопровождавшійся обморочнымъ состояніемъ.

Послѣ этого его уложили въ постель и сдѣлали клизму. Къ ночи температура поднялась до 39,8, появилась кашель, насморкъ, боли въ ногахъ, перебои пульса.

Въ ночь съ 31 октября на 1 ноября, Л. Н. спалъ очень плохо. Къ утру температура спала до 36,2. Л. Н. чувствовалъ большую слабость. Весь день лежалъ въ постели, диктовалъ свои мысли, писалъ дневникъ, слушалъ чтеніе. Къ вечеру снова появилась ознобъ, температура поднялась до 39, 1. Л. Н. жаловался на боль въ лѣвомъ боку при дыханіи, кашлялъ и ночью откашливалъ ржавую мокроту (съ примѣсью крови). Пульсъ былъ свыше 100 съ перебойми.

Было предположено воспаленіе легкихъ, положенъ согревающій компрессъ, назначено вино.

Въ ночь на 2 ноября Л. Н. спалъ плохо, стоналъ, страдалъ отъ изжоги, кашлялъ. Утромъ температура была 37,2. Чувствовалъ себя весь день слабымъ. Исслѣдованіемъ установлено воспаленіе нижней доли лѣваго легкаго и предположенъ небольшой воспалительный фокусъ въ правомъ легкомъ. Пульсъ 100, 110, съ перебойми. Вечеромъ температура 39,1, ничего не ѣлъ, выпадалъ въ забытіе. Изъ лекарствъ давали стропантъ и вино.

Ночь на 3 ноября Л. Н. спалъ очень плохо, почти все время бредилъ, кашлялъ, снова откашливалъ ржавую мокроту, стоналъ, страдалъ отъ изжоги. Утромъ температура—36,7. Л. Н. значительно ослабѣлъ. Языкъ былъ сильно обложенъ, сухъ. Аппетита не было. Печень была нѣсколько увеличена, болѣзненна, въ особенности ея лѣвая доля; животъ—нѣсколько вздутъ.

Констатированъ воспалительный фокусъ въ нижней доль лѣваго легкаго подъ лопаткой. Въ правомъ легкомъ—явленіе бронхита—36,7. Л. Н. собирался поѣхать къ своей сестрѣ Марѣ Николаевнѣ въ Шемардинъ монастырь, отстоящій въ 18 верстахъ отъ станицы. Но такъ какъ было поздно и Л. Н. былъ утомленъ дорогой, то онъ рѣшилъ переночевать въ Оптиной пустыни, въ 5-ти верстахъ отъ Козельска. На другой день, отдохнувши, Л. Н. поѣхалъ къ своей сестрѣ въ Шемардинъ, гдѣ почевалъ и провелъ весь день 30 октября. Вечеромъ онъ жаловался на нѣкоторую сла-

бость и недомоганіе, но, тѣмъ не менѣе, 31-го, рано утромъ, несмотря на дурную погоду, въ сопровожденіи своей дочери Александры Львовны и ея подруги—В. М. Феоктистовой, приѣхавшей къ нему накануне и Д. П. Маковицкаго, который его сопровождалъ все время, уѣхалъ на лошадахъ въ Козельскъ (18 верстъ); отсюда по Рязанско-Уральской жел. дор. по направленію на Богоявленскъ, чтобы далѣе слѣдовать въ Ростовъ-на-Дону. До полудня въ вагонѣ Л. Н. чувствовалъ себя довольно хорошо а затѣмъ сталъ жаловаться на ознобъ. Поставленный термометръ показалъ 38,6. Въ виду лихорадочнаго состоянія и слабости Л. Н. рѣшено было оставить поѣздъ и высадиться на ближайшей большой станицѣ. Этой станицей оказалось Астапово, гдѣ начальникъ станицы И. И. Озолина любезно предложилъ помѣщеніе въ своей квартирѣ, въ отдѣльномъ домѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вокзала Л. Н. чувствовалъ себя уже настолько слабымъ, что съ трудомъ дошелъ до квартиры. Здѣсь онъ сдѣлалъ разныя распоряженія и затѣмъ съ нимъ произошелъ непродолжительный (около минуты) припадокъ судороги въ лѣвой рукѣ и лѣвой половинѣ лица, сопровождавшійся обморочнымъ состояніемъ.

Послѣ этого его уложили въ постель и сдѣлали клизму. Къ ночи температура поднялась до 39,8, появилась кашель, насморкъ, боли въ ногахъ, перебои пульса.

Въ ночь съ 31 октября на 1 ноября, Л. Н. спалъ очень плохо. Къ утру температура спала до 36,2. Л. Н. чувствовалъ большую слабость. Весь день лежалъ въ постели, диктовалъ свои мысли, писалъ дневникъ, слушалъ чтеніе. Къ вечеру снова появилась ознобъ, температура поднялась до 39, 1. Л. Н. жаловался на боль въ лѣвомъ боку при дыханіи, кашлялъ и ночью откашливалъ ржавую мокроту (съ примѣсью крови). Пульсъ былъ свыше 100 съ перебойми.

Было предположено воспаленіе легкихъ, положенъ согревающій компрессъ, назначено вино.

Въ ночь на 2 ноября Л. Н. спалъ плохо, стоналъ, страдалъ отъ изжоги, кашлялъ. Утромъ температура была 37,2. Чувствовалъ себя весь день слабымъ. Исслѣдованіемъ установлено воспаленіе нижней доли лѣваго легкаго и предположенъ небольшой воспалительный фокусъ въ правомъ легкомъ. Пульсъ 100, 110, съ перебойми. Вечеромъ температура 39,1, ничего не ѣлъ, выпадалъ въ забытіе. Изъ лекарствъ давали стропантъ и вино.

Ночь на 3 ноября Л. Н. спалъ очень плохо, почти все время бредилъ, кашлялъ, снова откашливалъ ржавую мокроту, стоналъ, страдалъ отъ изжоги. Утромъ температура—36,7. Л. Н. значительно ослабѣлъ. Языкъ былъ сильно обложенъ, сухъ. Аппетита не было. Печень была нѣсколько увеличена, болѣзненна, въ особенности ея лѣвая доля; животъ—нѣсколько вздутъ.

Констатированъ воспалительный фокусъ въ нижней доль лѣваго легкаго подъ лопаткой. Въ правомъ легкомъ—явленіе бронхита—36,7. Л. Н. собирался поѣхать къ своей сестрѣ Марѣ Николаевнѣ въ Шемардинъ монастырь, отстоящій въ 18 верстахъ отъ станицы. Но такъ какъ было поздно и Л. Н. былъ утомленъ дорогой, то онъ рѣшилъ переночевать въ Оптиной пустыни, въ 5-ти верстахъ отъ Козельска. На другой день, отдохнувши, Л. Н. поѣхалъ къ своей сестрѣ въ Шемардинъ, гдѣ почевалъ и провелъ весь день 30 октября. Вечеромъ онъ жаловался на нѣкоторую сла-

бость и недомоганіе, но, тѣмъ не менѣе, 31-го, рано утромъ, несмотря на дурную погоду, въ сопровожденіи своей дочери Александры Львовны и ея подруги—В. М. Феоктистовой, приѣхавшей къ нему накануне и Д. П. Маковицкаго, который его сопровождалъ все время, уѣхалъ на лошадахъ въ Козельскъ (18 верстъ); отсюда по Рязанско-Уральской жел. дор. по направленію на Богоявленскъ, чтобы далѣе слѣдовать въ Ростовъ-на-Дону. До полудня въ вагонѣ Л. Н. чувствовалъ себя довольно хорошо а затѣмъ сталъ жаловаться на ознобъ. Поставленный термометръ показалъ 38,6. Въ виду лихорадочнаго состоянія и слабости Л. Н. рѣшено было оставить поѣздъ и высадиться на ближайшей большой станицѣ. Этой станицей оказалось Астапово, гдѣ начальникъ станицы И. И. Озолина любезно предложилъ помѣщеніе въ своей квартирѣ, въ отдѣльномъ домѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вокзала Л. Н. чувствовалъ себя уже настолько слабымъ, что съ трудомъ дошелъ до квартиры. Здѣсь онъ сдѣлалъ разныя распоряженія и затѣмъ съ нимъ произошелъ непродолжительный (около минуты) припадокъ судороги въ лѣвой рукѣ и лѣвой половинѣ лица, сопровождавшійся обморочнымъ состояніемъ.

Послѣ этого его уложили въ постель и сдѣлали клизму. Къ ночи температура поднялась до 39,8, появилась кашель, насморкъ, боли въ ногахъ, перебои пульса.

Въ ночь на 2 ноября Л. Н. спалъ плохо, стоналъ, страдалъ отъ изжоги, кашлялъ. Утромъ температура была 37,2. Чувствовалъ себя весь день слабымъ. Исслѣдованіемъ установлено воспаленіе нижней доли лѣваго легкаго и предположенъ небольшой воспалительный фокусъ въ правомъ легкомъ. Пульсъ 100, 110, съ перебойми. Вечеромъ температура 39,1, ничего не ѣлъ, выпадалъ въ забытіе. Изъ лекарствъ давали стропантъ и вино.

Ночь на 3 ноября Л. Н. спалъ очень плохо, почти все время бредилъ, кашлялъ, снова откашливалъ ржавую мокроту, стоналъ, страдалъ отъ изжоги. Утромъ температура—36,7. Л. Н. значительно ослабѣлъ. Языкъ былъ сильно обложенъ, сухъ. Аппетита не было. Печень была нѣсколько увеличена, болѣзненна, въ особенности ея лѣвая доля; животъ—нѣсколько вздутъ.

Констатированъ воспалительный фокусъ въ нижней доль лѣваго легкаго подъ лопаткой. Въ правомъ легкомъ—явленіе бронхита—36,7. Л. Н. собирался поѣхать къ своей сестрѣ Марѣ Николаевнѣ въ Шемардинъ монастырь, отстоящій въ 18 верстахъ отъ станицы. Но такъ какъ было поздно и Л. Н. былъ утомленъ дорогой, то онъ рѣшилъ переночевать въ Оптиной пустыни, въ 5-ти верстахъ отъ Козельска. На другой день, отдохнувши, Л. Н. поѣхалъ къ своей сестрѣ въ Шемардинъ, гдѣ почевалъ и провелъ весь день 30 октября. Вечеромъ онъ жаловался на нѣкоторую сла-

бость и недомоганіе, но, тѣмъ не менѣе, 31-го, рано утромъ, несмотря на дурную погоду, въ сопровожденіи своей дочери Александры Львовны и ея подруги—В. М. Феоктистовой, приѣхавшей къ нему накануне и Д. П. Маковицкаго, который его сопровождалъ все время, уѣхалъ на лошадахъ въ Козельскъ (18 верстъ); отсюда по Рязанско-Уральской жел. дор. по направленію на Богоявленскъ, чтобы далѣе слѣдовать въ Ростовъ-на-Дону. До полудня въ вагонѣ Л. Н. чувствовалъ себя довольно хорошо а затѣмъ сталъ жаловаться на ознобъ. Поставленный термометръ показалъ 38,6. Въ виду лихорадочнаго состоянія и слабости Л. Н. рѣшено было оставить поѣздъ и высадиться на ближайшей большой станицѣ. Этой станицей оказалось Астапово, гдѣ начальникъ станицы И. И. Озолина любезно предложилъ помѣщеніе въ своей квартирѣ, въ отдѣльномъ домѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вокзала Л. Н. чувствовалъ себя уже настолько слабымъ, что съ трудомъ дошелъ до квартиры. Здѣсь онъ сдѣлалъ разныя распоряженія и затѣмъ съ нимъ произошелъ непродолжительный (около минуты) припадокъ судороги въ лѣвой рукѣ и лѣвой половинѣ лица, сопровождавшійся обморочнымъ состояніемъ.

Послѣ этого его уложили въ постель и сдѣлали клизму. Къ ночи температура поднялась до 39,8, появилась кашель, насморкъ, боли въ ногахъ, перебои пульса.

Въ ночь съ 31 октября на 1 ноября, Л. Н. спалъ очень плохо. Къ утру температура спала до 36,2. Л. Н. чувствовалъ большую слабость. Весь день лежалъ въ постели, диктовалъ свои мысли, писалъ дневникъ, слушалъ чтеніе. Къ вечеру снова появилась ознобъ, температура поднялась до 39, 1. Л. Н. жаловался на боль въ лѣвомъ боку при дыханіи, кашлялъ и ночью откашливалъ ржавую мокроту (съ примѣсью крови). Пульсъ былъ свыше 100 съ перебойми.

Было предположено воспаленіе легкихъ, положенъ согревающій компрессъ, назначено вино.

Въ ночь на 2 ноября Л. Н. спалъ плохо, стоналъ, страдалъ отъ изжоги, кашлялъ. Утромъ температура была 37,2. Чувствовалъ себя весь день слабымъ. Исслѣдованіемъ установлено воспаленіе нижней доли лѣваго легкаго и предположенъ небольшой воспалительный фокусъ въ правомъ легкомъ. Пульсъ 100, 110, съ перебойми. Вечеромъ температура 39,1, ничего не ѣлъ, выпадалъ въ забытіе. Изъ лекарствъ давали стропантъ и вино.

Ночь на 3 ноября Л. Н. спалъ очень плохо, почти все время бредилъ, кашлялъ, снова откашливалъ ржавую мокроту, стоналъ, страдалъ отъ изжоги. Утромъ температура—36,7. Л. Н. значительно ослабѣлъ. Языкъ былъ сильно обложенъ, сухъ. Аппетита не было. Печень была нѣсколько увеличена, болѣзненна, въ особенности ея лѣвая доля; животъ—нѣсколько вздутъ.

Констатированъ воспалительный фокусъ въ нижней доль лѣваго легкаго подъ лопаткой. Въ правомъ легкомъ—явленіе бронхита—36,7. Л. Н. собирался поѣхать къ своей сестрѣ Марѣ Николаевнѣ въ Шемардинъ монастырь, отстоящій въ 18 верстахъ отъ станицы. Но такъ какъ было поздно и Л. Н. былъ утомленъ дорогой, то онъ рѣшилъ переночевать въ Оптиной пустыни, въ 5-ти верстахъ отъ Козельска. На другой день, отдохнувши, Л. Н. поѣхалъ къ своей сестрѣ въ Шемардинъ, гдѣ почевалъ и провелъ весь день 30 октября. Вечеромъ онъ жаловался на нѣкоторую сла-

бость и недомоганіе, но, тѣмъ не менѣе, 31-го, рано утромъ, несмотря на дурную погоду, въ сопровожденіи своей дочери Александры Львовны и ея подруги—В. М. Феоктистовой, приѣхавшей къ нему накануне и Д. П. Маковицкаго, который его сопровождалъ все время, уѣхалъ на лошадахъ въ Козельскъ (18 верстъ); отсюда по Рязанско-Уральской жел. дор. по направленію на Богоявленскъ, чтобы далѣе слѣдовать въ Ростовъ-на-Дону. До полудня въ вагонѣ Л. Н. чувствовалъ себя довольно хорошо а затѣмъ сталъ жаловаться на ознобъ. Поставленный термометръ показалъ 38,6. Въ виду лихорадочнаго состоянія и слабости Л. Н. рѣшено было оставить поѣздъ и высадиться на ближайшей большой станицѣ. Этой станицей оказалось Астапово, гдѣ начальникъ станицы И. И. Озолина любезно предложилъ помѣщеніе въ своей квартирѣ, въ отдѣльномъ домѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вокзала Л. Н. чувствовалъ себя уже настолько слабымъ, что съ трудомъ дошелъ до квартиры. Здѣсь онъ сдѣлалъ разныя распоряженія и затѣмъ съ нимъ произошелъ непродолжительный (около минуты) припадокъ судороги въ лѣвой рукѣ и лѣвой половинѣ лица, сопровождавшійся обморочнымъ состояніемъ.

Послѣ этого его уложили въ постель и сдѣлали клизму. Къ ночи температура поднялась до 39,8, появилась кашель, насморкъ, боли въ ногахъ, перебои пульса.

Прїѣздъ въ Астапово.

(Рассказъ очевидца). Случилось это 31 октября.

Событіе, которое врядъ-ли придется пережить еще когда-либо намъ, мѣстнымъ жителямъ маленькой, затерянной среди степи станицы.

По обыкновенію мы собрались вечеромъ тѣснымъ кружкомъ. Здѣсь были преимущественно молодые дамы—жены служащихъ на ст. Астапово.

Разговоръ вертѣлся вблизи сообщенія газетъ объ уходѣ Л. Н. Толстого.

Обсуждали это событіе на разные лады. Въ половинѣ седьмого долженъ былъ прїѣхать поѣздъ изъ Смоленска, и хозяйка дома, гдѣ мы собрались, поджидала изъ Данкова съ этимъ поѣздомъ мужа.

Вдругъ слышимъ—шумъ подходящаго поѣзда. Не прошло послѣ этого и пяти минутъ, какъ въ комнату вошелъ взволнованный супругъ нашей хозяйки.

— Господа, кажется, въ этомъ поѣздѣ ѣдетъ Левъ Толстой! Я промель мимо вагона второго класса—оля завѣшана. Съ Толстымъ дочь и докторъ.

— Да правда ли? Не знаете, куда ѣдетъ?—дослышались вопросы.

Въ это время вбѣгаетъ одинъ изъ служащихъ на станицѣ и кричитъ:

— Чего вы здѣсь сидите! Скорѣй! Въѣдъ нась Толстой! Онъ, остается въ Астаповѣ. Не ѣдетъ далѣе... Заболѣлъ. Сидитъ въ дамской комнатѣ второго класса.

Мы опротомѣлись бросились на станицу. Оля поѣзда, смоленскій и московскій уже ушли, но на станицѣ были еще огни, и въ первомъ классѣ было много народу. Навстрѣчу намъ вышелъ знакомый служащій и какъ-то торжественно сообщилъ, что онъ первый узналъ о прїѣздѣ Толстого, что Толстой здѣсь остается, что его это особенно волнуетъ, такъ какъ отецъ его былъ горячимъ послѣдователемъ Льва Николаевича.

— Если хотите видѣть Толстого—стойте въ этомъ коридорѣ,—сказалъ онъ намъ. Толстой сейчасъ пройдетъ сюда.

Мы стали въ проходѣ и съ волненіемъ ждали.

Не могу описать того чувства, какое охватило меня при мысли, что я сейчасъ увижу этого гениальнаго человека—больше: этого сверхъ-человѣка... Сердце учащенно билось, волненіе росло.

Наконецъ, принесли вещи Толстого: два чемодана и шедъ. Затѣмъ открылась дверь перваго класса, и кто-то сказалъ:

— Идетъ!

Мы раступились и плотно прижались къ стѣнамъ.

Онъ шелъ, поддерживаемый подъ руки: съ одной стороны дочерью, съ другой—другомъ, докторомъ Маковицкимъ... Въ темномъ палато и круглой каракулевой шапочкѣ. Изъ-подъ нависшихъ бровей прїятливо глядѣли на насъ сѣрые глаза—когда великій старецъ отвѣчалъ на наши поклонны.

Тихо, благоговѣнно вся толпа двинулась за нимъ—вплотъ до квартиры начальника станицы.

Дверь за нимъ захлопнулась, но никто не хотѣлъ уходить.

Волна неиспытанныхъ ощущеній охватила насъ, и намъ не хотѣлось разставаться.

Мы снова собрались въ той же квартирѣ и, взволнованные, обмѣнивались впечатлѣніями.

Разговорами не было конца—точно Толстой привезъ намъ новую жизнь.

Разошлись мы далеко послѣ полуночи, каждый съ мыслями о Л. Н. Толстомъ.

„С. В.“

О кохчикѣ Л. Н. Толстого.

„Рѣчь“ въ передовой статьѣ говорить:

И напрасно возражали родные и близкіе: онъ нашъ; онъ вернется въ Ясную Поляну. Напрасно толковали иерархи: онъ пошелъ наяться, онъ будетъ нашъ, онъ вернется въ церковь.

Напрасно шипѣли профессиональные ненавистники: это „чужой гипнозъ“, новый капризъ, внушенный „злымъ гениемъ“, и новое паденіе. Великій Толстой не слыхалъ съ высоты своего преображенія ни этихъ тоскливыхъ вадоховъ, ни этихъ алардныхъ выкриковъ. Одинокій,